

Михаил МАЛЫШЕВ

Медлительная
РЕКА

Михаил Малышев

Медлительная река. рассказы

«Издательские решения»

Малышев М. Ю.

Медлительная река. рассказы / М. Ю. Малышев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831763-7

В книгу прозы Михаила Малышева вошли рассказы разных лет — от динамичных, с закрученным как пружина сюжетом, до рассказов очеркового плана, подобных течению неторопливой реки. Но всех их, безусловно, объединяет одно — искренний интерес к характерам и судьбам людей, неразрывно связанных с дорогими сердцу автора степными просторами и городами в междуречье Волги и Дона.

ISBN 978-5-44-831763-7

© Малышев М. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Волна, внедорожник, букет...	6
Кому нужен берег турецкий?	12
Человек Пирату друг	23
В ритме фламенко	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Медлительная река

рассказы

Михаил Юрьевич Малышев

© Михаил Юрьевич Малышев, 2016

ISBN 978-5-4483-1763-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Ты помнишь ли медлительную реку
Где мы с тобой забрасывали снасти,
А берег был пологим и пустым?
Был холоден песок. А вкус песчинок
Ты помнишь ли, скрипевших на зубах?*

*Ты помнишь плеск ленивый возле лодки,
И как ступни нам леса щекотала,
И как тугая трепетала рыба
Пропарывая зеркало воды?*

*Той лодки нет, и снасти износились,
И на песке, по-прежнему холодном
Чужие отпечатались следы...*

Валерий Белянский

Волна, внедорожник, букет...

– Ни хрена себе, – внезапно проснувшись, со всхлипом выдохнул Рыбников. Он сидел на кровати в холодном поту, сердце его стучало безумным набатом.

«Приснится же такое», – успокоившись, подумал он. Спустив ноги, нащупал тапки, нехотя поднялся. Кровать проводила его натужным скрипом. Одно время или, как любил говаривать Рыбников, «ещё в той жизни», до армии, ему довелось поработать плотником. Где-то в нём глубокой занозой ещё сидели навыки плотницкого ремесла, а полузабытые запахи свежих опилок и вьющейся из рубанка стружки аукались в памяти воспоминаниями. Правда, мебель он никогда не мастерил, но починить расшатанную кровать ему и сегодня, наверное, не составило бы труда. Но, как обычно, руки не доходили...

Потянувшись, Рыбников укутал свою худую жилистую фигуру в махровый халат с истёртыми на локтях до полупрозрачности рукавами и, пробив плечом занавеску из длинных, свисавших до пола капроновых шнуров, на которых гулко колыхнулись короткие трубочки из бамбука, нанизанные вперемежку с керамическими шариками, поплёлся на кухню. Можно было бы, конечно, покурить и в постели, Рыбников жил один, но тогда на остаток ночи пришлось бы открыть форточку, а за окном – не май месяц. Конец декабря, как-никак...

На кухне он прикрыл дверь, щёлкнув зажигалкой, прикурил, глубоко затянулся. Затем, поднявшись на цыпочки, выпустил тонкую струйку дыма в чугунный барельеф оленя на вентиляционной решётке. Не повезло. Дым ударился в мощный олений торс, отлетел в сторону и, зависая сизыми горизонтальными пластами, распределился под потолком. Рыбников вздохнул и потянул на себя шпингалет форточки, покрытый густым слоем белой масляной краски. В лицо ударил обжигающий свежий воздух, разгоняя табачный дым и остатки сна. Из морозной темноты улицы полетели и заискрились, кружась в освещённом пространстве кухни, снежинки.

– Ладно, – решил Рыбников. – Всё равно скоро вставать.

Он зажёл газ, поставил на плиту чайник с кляксой отбитой эмали. Вынул из пузатого, старого, но всё ещё отлично морозившего холодильника ЗИЛ, напоминавшего однорукого бандита, затвердевший кирпичик масла. Подумав, прибавил к маслу колбасу сомнительной свежести. Скрипнул дверцей навесного шкафчика, достал французский батон, банку «Нескафе», недавно купленную по случаю чашку, на лазурных стенках которой ядовитым пятном желтела карта неизвестного острова. И задумался.

Уже которую ночь подряд его мучил один и тот же сон. Внезапно, без видимых на то причин, на горизонте появлялась огромная, как гора, волна. Она ширилась, росла и, набегая, обрушивалась на Рыбникова. Он не понимал природу этой волны, но интуитивно чувствовал, что она таит в себе что-то страшное. Каждый раз, когда волна приближалась, Рыбникова захлёстывал какой-то почти животный ужас, он кричал и просыпался. Так было и этой ночью. Только добавилось ещё кое-что. На гребне волны появился чёрный внедорожник. И дальше волна неслась прямо на Рыбникова с чёрным силуэтом машины на гребне, поигрывая включёнными фарами. Букет... Возникало потом в мозгу в пограничном состоянии между явью и сном. Нет, это не был чей-то голос. Слово складывалось само по себе, как мозаика из разноцветных стёклышек в детском калейдоскопе, и тут же рассыпалось на маленькие осколки. Что за ерунда? Волна, внедорожник, букет... Какая между всем этим связь? И при чём тут он, Рыбников?

Всё утро, пока он собирался на работу, тряся в полупустом, промёрзшем и раннем троллейбусе до Дома печати и, с отсутствующим взглядом, сидел на редакционной планёрке, он продолжал размышлять о непонятных сновидениях, по-прежнему тщетно пытаясь разгадать первопричину их появления.

– Как это не понимаешь? – выслушав Рыбникова, притворно изумилась Татьяна Олеговна, сотрудник отдела писем, когда после планёрки они вместе с Рыбниковым вышли поку-

ритель к лифту. При этом её губы в гранатово-алой помаде слегка дрогнули, стремясь разойтись в улыбке, а на щеках едва заметно обозначились милостивые ямочки. Как часто бывает с эффектными женщинами средних лет и притягательных форм, она уже не могла общаться со свободным мужчиной иначе, чем в иронично-завлекательном ключе.

– Ты разве не знаешь, Коленька, что Фрейд называл сон «королевской дорогой в подсознание»?

– Ты это к чему?

– Да всё к тому – от букета цветов до волны один шаг! Эх, Коля, Коля... Захлестнёт тебя волна страсти, затянут в пучину замужние бабы! Ты, кстати, на Новый год с кем и куда?

– При чём тут бабы? Я с тобой серьёзно, а ты...

– Так и я серьёзно! Смотри, как встретишь Новый год, так его и проведёшь! Я вот что давно хотела тебе сказать...

– Николай Алексаныч, вас к главному, – на лестничную площадку выскочил долговязый стажёр Кочетков и снова нырнул в коридор.

Рыбников благодарно посмотрел ему вслед и, радуясь неожиданному избавлению, поспешил в кабинет шефа.

Владимир Ефимович, главный редактор городской газеты, с устоявшейся со времён перестройки репутацией «флагмана жёлтой прессы», дожидался Рыбникова за широким дубовым столом, загромождённым бумагами, папками и прочей офисной дребеденью. Его левая рука с тлеющей сигаретой, как пьедестал, поддерживала коротко остриженную голову с крупным мясистым носом и увесистыми щеками. В нужный момент производился демонстративный щелчок, не нарушавший, впрочем, общего архитектурного единства монумента, и сигаретный пепел, срываясь с вершины, падал точно в стоявшую перед редактором и служившую пепельницей большую морскую раковину с кривыми шипами. Тем временем пальцы редакторской правой руки, безбожно фальшивя, волнообразно отстукивали по столешнице собачий вальс.

– О чём думаешь? – вкрадчиво произнёс он, метнув в Рыбникова из-под больших, в золотой оправе, очков пронзительный взгляд.

– Не понял, Владимир Ефимович, – смешался Рыбников.

– Всё ты понял! – неожиданно взорвался главный. – Ходишь как неприкаянный, на планёрке ворон считаешь! За тобой подвал в субботний номер, не забыл? Где статья? Есть что-нибудь?

– Конкретного пока ничего. Так, размышления...

– А мне насрать с высокой колокольни и на конкретику твою, и на размышления! Понял, Рыбников? Не нарыл материал, значит присочини что-нибудь! Мне нужно, чтобы номер разошёлся, как горячие пирожки! А уж там сбредал ты чего или нет – вопрос второй. Ясно?

– Яснее некуда, – усмехнулся Рыбников.

– Вот и славно! К вечеру жду статью. Иди работай!

Рыбников подошёл к массивной двери, по гладкой поверхности которой уходили вверх следы распиловки, ужасно похожие на чьи-то, увеличенные стократ, отпечатки пальцев, и, взявшись за латунную ручку в виде головы льва, обернулся:

– Владимир Ефимович, давно хотел вас спросить, не знаете, что за машина у мужа Татьяны Олеговны?

– Чего? – брови главного удивлённо прыгнули вверх. Секунду-другую он переваривал вопрос, а потом заколыхался от смеха:

– Таньку, что ли, трахнуть решил? Давно пора! Только ты, похоже, один неохваченный и остался! И какой такой муж? Она у нас женщина современная, свободная...

– Ну, этот её, из администрации...

– Бойфренд? – уточнил редактор и снова загоготал. – По-моему, форд служебный, а что?

– Внедорожник?

– Откуда? Фокус, универсал.

– А цвет?

– Ярко-белый. Да тебе-то что за печаль?

– Так, просто...

– Просто даже прыщик не вскочит! Иди и без статьи не возвращайся! Свободен!

Слух о том, что шеф учинил Рыбникову экзекуцию, пронёсся по кабинетам редакции, как сёрфер по гребню волны. Коллеги из отдела проявили молчаливую солидарность и весь остальной день его не трогали. Задумчивый Рыбников сидел перед компьютером и время от времени неуверенно давил клавиши жёлтым, прокуренным ногтем указательного пальца правой руки. Статья не шла. Он прерывался, заходил в Интернет, просматривал сонники, но всё равно не нашёл ничего, что могло бы истолковать его сновидения и, как следствие, объяснить то мерзкое, гнетущее состояние, которое усиливалось тем больше, чем меньше времени оставалось до конца рабочего дня. Когда ему всё вконец опостылело, он решительно пошёл на перекур.

На площадке у лифта курил Семёнов, мент из вневедомственной охраны, неповоротливый и спокойный, как сытый медведь. Перед тем как протянуть навстречу ладонь и поздороваться, он переложил в другую руку сигаретную пачку, а Рыбников, проводив это действие взглядом, непроизвольно отметил, что пачка в руках Семёнова показалась, скорее, спичечным коробком.

Никогда раньше они не разговаривали по душам, максимум так, перекидывались при встрече парой фраз о рыбалке да о футболе, но сегодня из Рыбникова как будто рвались наружу его ночные кошмары...

Семёнов откровения журналиста выслушал на удивление терпеливо и по-ментовски внимательно. Потом выдал своё резюме:

– Всё ясно! Букет – значит, к бабе поедешь. В гости, на внедорожнике. У тебя «четвёрка»? Ну, извини... Значит, подвезёт кто-нибудь. Слушай, а может, ты не о том паришься и не в машине вопрос, а в дороге? Ты, случайно, на рыбалку не собирался? А то у меня пару лет назад случай был – поехали, значит, с компанией на Дон порыбачить. В январе. Егеря, казачка местного, подтянули. Спрашиваем, как лёд, ехать можно? А он: «Земляки! Все путём! Тута не лёд – асфальт!»

– И что дальше? – оживился Рыбников.

– Да только от берега отъехали и – в полынью! Хорошо, узик задком лёд зацепил, не сразу под воду ушёл. Искупались, конечно, не без этого, но хоть из машины успели выбраться. А козлик наш повисел мордой вниз и – бултых! Только, значит, волна и пошла. Подлёдная!

– Возможно, что и не машина... – думал потом, гипнотизируя монитор, Рыбников, снова и снова мысленно возвращаясь к разговору в курилке. – Дорога, дорога... Тогда что за дорога? Куда?

Одна загадка сменила другую, но в целом это мало что изменило.

От напряжения разболелись глаза. Навалилась усталость. Рыбников вздохнул, помассировал веки, несколько раз с силой нажал на глазные яблоки. Перед глазами побежали оранжево-чёрные круги. Не вставая, он слегка отъехал назад, противно шкрябая офисным креслом по ещё гладкому, после недавнего ремонта, редакционному паркету, уронил голову на скрещённые за столом руки и, как показалось ему, на минутку забылся.

Дремал он от силы минут пятнадцать и проснулся от резкого зуммера. В отделе никого не было, на столе разрывался телефон, а Рыбников, оцепенев от ужаса, сидел без движения. Коротких минут беспокойного сна хватило с лихвой. Как будто сняли воображаемую повязку с глаз, и в состоянии полудрёмы Рыбников неожиданно ярко и отчётливо ощутил, что должно произойти. Телефон продолжал верещать. Усилием воли он заставил себя снять трубку. Звонил главный:

– Так, Рыбников, мне тут надо отъехать. К пяти, возможно, не обернусь. Но ты статью, в любом случае, занеси! Добро?

– Да... – выдавил Рыбников.

– И чтобы без фокусов, слышишь? Приеду – прочту. Работай! – И в трубке послышались гудки.

Неужели правда? Неужели всё сбудется так, как ему привиделось? А может, послушать шефа? Написать, изложить на бумаге всё в точности, всё именно так, как было во сне? Ведь в жизни всё случается наоборот! Стоит только высказать то, что терзает, гнетёт твою душу, и тогда точно не произойдёт, не стрясётся ни в твоей жизни, ни в жизни других, незнакомых людей что-то очень плохое, страшное и непоправимое. Может, только ради этого стоит попробовать?

Он как одержимый застучал по клавиатуре. Буквы подозрительно легко, как будто сами, выныривали на поверхность жидкокристаллического монитора и складывались в слова. Надо было только сосредоточиться и тщательно, в подробностях перенести на экран компьютера то, что сидело сейчас в голове. Когда без четверти пять статья была окончена, Рыбников, не задумываясь, крупным шрифтом набрал заголовок – «Букет». Почему, он и сам не понимал. Это оставалось единственным, чему не нашлось объяснения. Просто он знал, что так надо. Только так должна называться статья и никак иначе.

Вышло пять с половиной страниц. Для субботнего номера более чем достаточно. Он распечатал набранный текст на лазерном принтере и, хотя главный и не жаловал компьютер, вдобавок скинул ему статью по электронке. Вложил страницы в прозрачный файл и заспешил в приёмную.

Шефа на месте не было. Секретарша главного, Олечка, уже стоя в шарфе и вязаной шапочке, с дублёнкой наперевес, увлечённо болтала по городскому и, увидев Рыбникова, только досадливо поморщилась. Затем сделала несколько энергичных пассов рукой, что могло означать только одно – «занеси своё „творчество“ сам». Он так и сделал.

С работы Рыбников пошёл пешком, и ноги сами принесли его в «Белую лошадь». Удивительно, но в его любимом баре, расположенном в центре и спрятанном от посторонних глаз во дворах, в подвале старинного, ещё до революции возведённого здания, почти никого не было. Он присел в углу за длинный дощатый стол, рядом с Элвисом в рамке на кирпичной стене, взял кружавчик пивка, заказал крылышки «Буффало», а потом, допив пиво, тряхнул шевелюрой, убирая со лба волнистую прядь и, помассировав в раздумье коротко стриженную бородку, попросил водки.

Когда перед закрытием молоденькая, похожая на гимнастку, официантка с пирсингом в левой ноздре тормозила его за плечо, он был уже совершенно пьян и повторял одно:

– Катастрофа!

– По-другому не скажешь, – мрачно согласилась официантка, получив сдачу – двадцать рублей – на чай. И снова пожалела о том, как некстати, из-за наезда силовиков на оптовый склад эквадорских бананов, сорвался запланированный на вечер корпоратив фруктовой компании... Однако такси Рыбникову всё-таки вызвала.

Следующее утро он лежал пластом, раздавленный и опустошённый. И если, после похмельных ста грамм, невидимые железные обручи, сжимавшие голову, стали немного ослабевать, то чувство опустошённости и ожидания чего-то страшного только усилилось. Тогда он задёрнул шторы, вытащил из гнезда евроджек стационарного телефона, выключил сотовый и ушёл в запой.

В воскресенье 26 декабря утром, а может, ближе к обеду – достоверно утверждать сложно, потому что для Рыбникова время замедлилось, исказилось и вяло текло, как липкая и тягучая патока, – водка закончилась. Чашка с рисунком жёлтого острова предательски скользнула из рук, брызнув по кухне острыми черепками и последним запасом крупинок рас-

творимого кофе. В смятой с одного боку пачке синего «Винстона» не осталось ни одной сигареты.

От спиртного и так уже было дурно, без кофе с трудом, но обходиться всё-таки приходилось, а вот не курить он просто не мог. Собрав всю волю в кулак, Рыбников решился на вылазку. По дороге в магазин, подняв воротник пальто и поёживаясь от холода, он задержался у газетного киоска на троллейбусной остановке. За мутным, в разводах грязи, стеклом лежала стопка нераспроданных номеров той самой субботней вечерки, где должна была выйти его статья. Дрожащими руками он выгреб из карманов нужную мелочь, купил газету и пробежал страницы глазами. Статьи не было. Ни на первой полосе, ни в подвале, нигде. Кругом безликие интервью, поздравления, гороскопы. Знакомая и однообразная предновогодняя чепуха, которую обычно даже не пишут, не сочиняют, придумывая на скорую руку, а просто передирают, меняя фамилии, даты и прочее из похожих, как близнецы, номеров прошлых лет...

В этот момент в кармане зазвонил сотовый. Странно. Он же ещё в субботу его выключал. Наверное, не придавая значения, машинально включил перед выходом в магазин. Как бы там ни было, сейчас телефон разрывался, и на дисплее светилось: «Ефимыч».

– Слушаю, – хрипло ответил Рыбников.

– Николай Алексаныч! Слава богу, живой! Ты что же это, голубчик, пропал, телефон недоступен? Мы тут все уже в панике!

– Кто мы?

– Как кто? Я, Татьяна Олеговна, ещё люди... Ты сейчас где?

– Почему не вышла статья? – глухо, с нескрываемым раздражением спросил Рыбников.

– Николай Алексаныч, любезный! Ну посуди сам, как я мог в номер такое дать: цунами высотой в двадцать метров, машины, как скорлупки, на гребне волны, десятки, нет, сотни тысяч человеческих жертв?! Ужасик какой-то! И остров этот у побережья Таиланда – Пхукет или Бхукет – ну, ты его ещё Букетом назвал... Кто же знал, что вся эта хрень окажется правдой? Ты новости-то по ящику видел?

Рыбников, ухватившись за угол киоска, удержал усилием воли летящий в лицо заиндевелый асфальт. Как птица в клетке, в груди металось и билось сердце...

Редактор продолжал трюндеть, живописуя масштабы и подробности случившейся катастрофы. Слова из мобильного сыпались снежной крупой:

– Не знаю, Николай Алексаныч, как ты это проинтуичил, но я впечатлён! Зря, выходит, статью твою завернул. Каюсь, был неправ. Так я что хотел... Если ты, скажем так, подобные штуки впредь повторять сможешь, так это же золотое дно! Это, знаешь, какой тираж? Рекламодатели в очередь набегут! Тут и на журнал замахнуться можно! Само собой, ты в доле. Замом ко мне пойдёшь? Что скажешь? Ты, вообще, слышишь меня?

Рыбников слышал и молчал, не в состоянии двинуться с места. Секунды две-три, а может, целую вечность (кто возьмётся точно сказать? – ведь время, бывает, трансформируется и течёт медленно, как вязкая тягучая масса) он, не отводя глаз, смотрел на синий большой грузовик с надписью «Почта России» на козырьке, который, потеряв управление, летел на остановку, газетный киоск и на него, Рыбникова. «Но это не внедорожник, а почтовый фургон...» – промелькнуло в сознании, и тут же раздался удар, металлический скрежет, и кто-то наглухо выключил начинавшее багроветь, уже стремившееся к горизонту солнце.

Два дня в реанимации он был между жизнью и смертью. На третий день, когда врачи областной больницы всё-таки вытащили его с того света, Рыбников очнулся, со стоном повернулся на спину, и странные, дико звучащие таинственные слова чужого языка быстро побежали с его губ. Как впоследствии выяснили эксперты, привлечённые компетентными органами, неизвестный язык оказался арамейским. Почему именно на нём, древнем и не имеющем в настоящее время хождения, мёртвом языке заговорил Рыбников, они объяснить не смогли.

Как только угроза смерти миновала и физическое состояние Рыбникова обрело относительную стабильность, в один из вечеров, когда в больнице уже не было посетителей, за ним приехали. Двое в штатском. Для перевозки Рыбникова в закрытую лабораторию при одном из столичных институтов, где давно и вплотную занимались проблемами нейрофизиологии мозга. Они молча, уверенной походкой, шли по освещённому коридору, небрежно набросив на крепкие плечи халаты. Из широких больничных окон было видно, как на плотном снегу в окружении жёлтых квадратов света лежали чёрные, как упавшие, кресты. А внизу, у крыльца центрального входа, там, где обычно останавливались неотложки, посетителей ожидала машина.

Фары чёрного внедорожника сверкали в январских сумерках каким-то адским белым огнём.

Волгоград, ноябрь – декабрь 2009 г.

Кому нужен берег турецкий?

Путёвки горели, как тот самый спирт, похожий на пионерку. Я раздумывал, моей жене Лене идея понравилась. В итоге мы быстро взвесили все за и против и – решились. Потом сумбурно, в спешке, собрали вещи и через несколько дней вдвоём улетели в Анталью.

Чартер ещё только подруливал к терминалу, а глаз уже радовал огромный, из стекла и бетона, аэропорт. Как чисто вокруг! И как аккуратно пострижены кустики на прилегающей территории! В сравнении с долгими очередями у нас – в Анталье всё быстро и чётко, паспорт-контроль проходим за считанные минуты.

– Тешекюр эдерим! – говорю я суровому таможеннику, и он не может сдержать улыбку. Произношение не фонтан? Ну извини, репетитора не нанимал. Тем временем турецкий верещагин ставит в паспорте штамп и что-то бормочет в ответ. Рановато, уважаемый! Это «большое спасибо!» по-турецки – первое, что я выучил в самолёте. Мне нужно время, чтобы освоиться и нахвататься чуть-чуть по-вашему. Хотя кое-что впитано со школьной скамьи: «сары» – жёлтый, «чин» – песок, «су» – вода. Это те самые тюркские корни, давшие историческое название моему городу. Стрельцы с казаками со временем переименовали всё на свой лад, и вышло вполне благозвучно – Царицын. Так что, «селям», земляки!

Выходим с женой из аэропорта, ищем стойку туроператора. Девушка в белой блузке без напряга, искренне улыбается и сообщает номер нужного нам автобуса. Выныриваем из тени на солнце, катим дальше по тротуару чемодан на колёсиках. Тротуар, мощённый серо-розовой плиткой, сужается, уподобляясь длинному молу. Уткнувшись в бордюры гладкими мордами, слева и справа от нас выстроились рядами автобусы, серебристо-белые и блестящие, словно большие киты.

Небо бьёт в глаза синевой, вершины подступающих гор укрыты сиреневой дымкой. Воздух плавится и дрожит от жары.

У автобуса поджидает не менее улыбчивый гид – на этот раз худенькая блондинка Мария. Точь-в-точь в такой же белой блузке и чёрной юбке. Как позже выяснилось, это у них униформа такая. И вообще в турфирмах всё серьёзно и строго. Работают, как правило, молодые девчонки – вчерашние выпускницы вузов. Вахтовый метод. Полгода в Турции, полгода дома. Живут здесь на закрытой охраняемой территории. Отбой в 23.00 и жёсткие правила, пресекающие любые возможные шашни с местными, которые так и выются вокруг наших красавиц. Уж больно падки турецкие ловеласы на симпатичных девушек из России!

– В особенности блондинок, – уточняю я. Мария, смеясь, соглашается.

Всё это, конечно, я узнаю постепенно, перебрасываясь с ней короткими фразами, пока автобус стоит на заправке или во время недолгих пауз, когда Мария откладывает микрофон и отдыхает от подробных рассказов о достопримечательностях Анталии, экскурсиях и прочих открытиях, ожидающих россиян на турецкой земле.

На прощание, пожелав нам приятного отдыха, Мария сказала:

– Знаете, здесь говорят: в Турции нет проблем, в Турции есть сюрпризы!

О том, насколько она была права, нам очень скоро предстояло узнать...

Гостиница, в которую мы приехали, называлась «La perla», по-испански «жемчужина», и это походило на правду. Первая линия, из холла виднелся песчаный берег и ослепительно синий прямоугольник моря. Оформление затягивалось, и мы, оставив вещи портье, пошли на пляж. Волны, бирюзовые у наших ног и ультрамариновые вдали, вспыхивали переливчатыми золотыми чешуйками, отражая яркое солнце.

Я обернулся – и ахнул! Вид на берег со стороны моря открывался не менее великолепный! Над белыми этажами отеля на фоне неба такой синевы, что, казалось, из банки вверх плеснули густой васильковой краски, забыв при этом её размешать, возвышалась серо-корич-

невая гора, почти лишённая какой-либо растительности. Её контур напоминал изломанный график из учебника экономики, а гора в целом смотрелась плоской и как будто лишённой объёма, словно вырезанная и приклеенная к синей бумаге картонка...

После этого турецко-гостиничные пейзажи накатывали как волны...

Небольшой, но уютный отель: приличных размеров бассейн, ресторан со шведским столом, лужайка, пальмы и стилизованные под античность две женские гипсовые фигуры с обнажённой грудью наперевес. Размер четвёртый, не меньше... За бассейном, слева от яркой, как вспышка зелёного светофора, травы, под навесом располагался бар и далее – сцена, на которой по вечерам резвились и потешали народ турецкие массовики-затейники, а по-современному – аниматоры.

От сцены до ресторана тянулась покрытая тротуарной плиткой площадка, вполне сравнимая с малым аэродромом. Вечерами, когда солнце ныряло за изломанный гребень горы, на площадку выносились столы, накрывались крахмальными скатертями, и чинно рассаживались отдыхающие, за бокалом вина вкушавшие зрелищ.

Вначале я удивлялся тому, что многие из obsługi сносно говорили по-русски. Потом привык. Да и чему удивиться, если мы не просто слышали родную речь – вокруг отдыхали только наши! И порой казалось, что мы вовсе не в Турции, а в Адлере или Хосте в каком-нибудь газпромском санатории. Тем не менее мой скудный турецкий, почерпнутый из разговорника, всё-таки оказался полезен. В первый день после обеда я подошёл к стойке и попросил шустрого бармена:

– Бира-бира, лютфен!

Он страшно удивился, обрадовался и, наливая мне халявное пиво, о чём-то затараторил с выглянувшим из подсобки напарником. Вскоре после этого мы подружились. Бармена звали Мансур. Позже, по вечерам, когда мы с женой присаживались за столик посмотреть аниматоров (Лена упорно именовала их кавээнщиками – не в том смысле, что вечерние представления напоминали ей КВН, а потому, что в России для этих ребят проведение вечеринок – традиционный заработок), я подходил к Мансуру за белым вином.

Бутилированные спиртные напитки в баре отпускали за отдельную плату. И если Мансур всем прочим страждущим предлагал едва охлаждённую бутылку белого с невыразительной этикеткой, то для меня за те же зелёные деньги доставал из холодильника под прилавком роскошную запотевшую красавицу объёмом 0,75. Я каждый раз оставлял ему «бахшиш» – один доллар и ни разу об этом не пожалел. Бутылки менялись, однако вино всегда оказывалось безупречным, с тонким, приятным ароматом и акцентированным послевкусием.

Всякий раз, открывая бутылку и понимая, что это для меня и моей жены, Мансур быстрыми тонкими пальцами мастерил из салфетки цветок и торжественно затыкал им открытое горлышко. Вроде бы мелочь? Но из них состоит наша жизнь, и как приятно, когда мелочи эти, пусть даже на несколько коротких мгновений, волнуют и радуют душу...

В последний вечер перед отъездом мы обнялись и попрощались, Мансур стал лукавить, нахваливая мой турецкий – мол, говорю совсем без акцента – и пожелал мне счастливого полёта домой. По-английски он не понимал совсем, русских слов знал немного, поэтому для верности помахал руками и погудел, изобразив самолёт. Должно быть, со стороны это выглядело и трогательно, и комично.

Но всё это было позже, перед отъездом, а пока у нас с женой впереди были семь долгих дней, полных моря, солнца и средиземноморского воздуха, временами пьянившего не хуже вина. Нам нравился пляж при отеле, когда мы приходили туда искупаться до завтрака, и каждое новое утро казалось нам продолжением прошлого. Всякий раз в это время на пляже было безлюдно. Под ногами шуршала мелкая галька, пустыли поцарапанные лежаки из белого пластика с водонепроницаемыми матрасами, тонкую материю навесов шатров трепал ветерок. По пустой

волейбольной площадке ходили чайки. И ласкалось прохладное, изумрудное, набегающее – море, море, море...

Все дни, когда мы не выезжали за пределы отеля, были похожими друг на друга, а вот поездка на горное озеро (как мы рассчитывали тогда – на рыбалку!) оказалась богатой на впечатления.

Рано утром к отелю подкатил большой белый автобус, и в холле нас встретил представитель туроператора Вячеслав. Высокий, губастый, с двойным подбородком и крупными чертами лица, он, несмотря на округлившееся брюшко, напоминал отставного боксёра. «Искромётные» шутки от Вячеслава стартовали с вопроса «не забыли ли мы накопать червей?» и замелькали, как серия быстрых ударов на ринге. Сопровождая нас до автобуса, он успел рассказать парочку сомнительных анекдотов на тему «возвращается муж с рыбалки...», чем позабавил меня, вызвал негодование Лены и вполне органично добавил несколько ярких штрихов своему и без того колоритному портрету.

Автобус катил по дороге, нырял в туннели, Вячеслав комментировал:

– В этой части Турции исключительно сильно представлен туризм и овощи-фрукты. Видали теплицы на подлёте к аэропорту?

– Было дело, – подтвердил мужчина в камуфляжном жилете.

– Вот, – обрадовался Вячеслав. – Сплошняком помидоры, которые, стало быть, потом на наших рынках. А апельсины? По два урожая снимают. Первый только щас распродали, второй – на подходе.

– Апельсины путёвые? – зевнул белобрысый детина в тенниске.

– Исключительно! – оживился Вячеслав. – Я у себя в Саратове заприметил как-то на рынке ценник «апельсины из Турции». Не-е, у меня дома апельсины были, привёз немного – ну, так, пару ящичков – из Анталии на Новый год. А тут решил взять килограмма два – из интереса. Попробовал. И знаете что? Как будто, извините за выражение, мылом давишься! Стало быть, апельсины мои и те, с рынка, в двух разных Турциях росли!

– А мясо на рынке в какую цену? – полюбопытствовала мадам зрелого возраста. Она сидела ближе всех к Вячеславу, явно выказывая ему симпатию.

– Вот! – Вячеслав многозначительно ткнул пальцем в небо. – Животноводство тут – самая тема! Крупнорогатое, конечно. Свинина, ясное дело, не водится. А вот говяжья вырезка, извините за выражение, кусается. Долларов тридцать кило. Стало быть, те, которые тут мясо выращивают, – уважаемые люди. У них и копейка есть, и дети в институтах на обучении. А здесь это не то, что у нас, в России.

– Типа накладно, что ли? – спросил белобрысый. Когда он, позёвывая, вытягивал руки, на бугристое плечо из-под рукава тенниски выползала татуировка парашюта.

– Во-первых, дорого, во-вторых, престижно. В Турции главное – образование получить. Желательно врача или юриста. Тогда ты в шоколаде.

– А по среднему у людей какие зарплаты? – опять поинтересовалась мадам.

– После вычета всех налогов – баксов пятьсот.

– Да у наших бюджетников и того нет! – возмутилась шатенка в солнцезащитных очках.

– Это точно! – подтвердил Вячеслав. – Но тут жизнь дороже... Кстати, гляньте, въезжаем в Анталию. Если щас посмотреть, справа будет самый большой муниципальный пляж. Бесплатный, стало быть. А слева через дорогу – Лара. Самый любимый у россиян район. Квартиры расходятся, что горячие пирожки.

– Понятно, – подмигнул, обернувшись, детина. – Наши там, где халява!

– Я, кстати, тоже по этой теме работаю. В индивидуальном плане. Так что подходите, если кому интересно.

– И почему хаты? – осведомился мужчина в камуфляже.

– Я так скажу, – вновь оживился Вячеслав. – Однушку, квадратов так в 60, торговать можно за полсотни тысяч баксов. Меньше, чем штука – метр. Ну, если там дом элитный или вид хороший на море – тогда за 70—80.

– На хрена козе баян? Если здесь чалиться на постоянку – ласты загнёшь с тоски, – лениво потянулся детина.

– Ну, это на вкус и цвет... – возразил Вячеслав. – Кстати, гляньте, проезжаем мечеть. Большая, да? Как многие знают, в Турции этот... мусульманизм. Очень древняя и правильная религия для людей. В смысле защиты их интересов, культуры и всё такое... И к божьим тварям они с уважением. Кошка, например, у них животное священное. Только не каждая, а с разными глазами. И ещё пауки. А знаете, почему? Как-то раз пророк Мухаммед объяснял в одном городе своё учение, а враги его выследили и стали преследовать. Почти уже было догнали, а он увидел пещеру и – нырь! – туда. Затихарился наглухо! А паук, что в пещере жил, быстро-быстро паутину соткал и вход заделал. Прискакали враги Мухаммеда, смотрят – пещера паутиной затянута. Стало быть, не входил никто, ну и поскакали дальше. Вот так паук спас пророка и стал священным животным. Или насекомым? В общем, вы поняли...

Автобус круто взял влево, свернув на просёлочную дорогу, покрытую, тем не менее, приличным асфальтом. Затем дорога пошла в гору, мимо промелькнули постройки из камня, настолько убогие, что язык не поворачивался назвать их деревней. Потом была дамба, крутой серпантин и конечная остановка на небольшой открытой площадке на вершине горы, со всех сторон окружённой соснами.

Мы вышли. Верхушки сосен подпирали высокие облака, под ногами пружинил рыжеватый ковёр из опавшей хвои.

Народ, разминая руки и ноги, затёкшие после поездки, потянулся к сувенирным палаткам. К одной из них подошёл и я. Обереги-брелоки в виде синего глаза, печального вида трикотажа и необычные фляги из тыквы. Я постучал пальцем по одному из таких сосудов, он отозвался на стук неожиданно гулко и звонко. Ко мне тут же подскочил продавец, сутулый парень со сросшимися бровями, упрашивая купить что-нибудь. Извини, любезный, ничего сегодня что-то не радует... Наверное, в другой раз.

Но очень скоро, как только мы оказались на самом краю скалы, панорама, открывшаяся глазам, наполнила душу восторгом. Это и было то главное, ради чего, пожалуй, стоило переться на самую вершину горы. С высоты открывался такой неземной в своей красоте вид, что перехватывало дыхание. Внизу перед нами лежала небольшая долина, стиснутая по сторонам горными кряжами, крутые уступы гор покрывали густо растущие кустарники и деревья, а сквозь полупрозрачные клочья тумана пробивалась, слепя глаза, далёкая синева горного озера.

Оценив красоту пейзажа, народ в мгновение ока расчехлил фотоаппаратуру, образовав на скале у большой сосны очередь из желающих запечатлеть дивный вид, а затем, разумеется, и самим под сосной запечатлеться на его фоне. Впрочем, вполне вероятно, это мог быть ливанский кедр. Почему бы и нет? Просто спрашивать об этом у Вячеслава – значило попусту тратить время, а крутившиеся вокруг турки из местных по-русски балакали слабо. Что говорить, недорабатывали сельчане...

После продолжительной фотосессии последовал спуск вниз, отменный завтрак с домашним вином и рыбалка, на деле обернувшаяся пародией. Что в итоге превратило поездку в тривиальный «джаз-квас» на природе.

После завтрака мы спустились на берег того самого озера, которое совсем недавно видели с высоты, где Вячеслав на пару с местными турками вместо обещанных лодок подогнали вместительный плот. Один на всех. В центре плота под навесом громоздился просторный стол, стояли плетёные табуретки. Рядом пристроилась сумка-холодильник с напитками. И прохладительными, и покрепче...

Народ перетёк по трапу на предоставленное «плавсредство», нас отбуксировали моторной метровой на пятьдесят от берега, бросили якорь, а желающим выдали удочки странной системы с незакреплённым бегающим поплавком. Оптимисты, в том числе я, с грехом пополам разобрались со снастями и попытались ловить. Реалисты сразу уселись бухать.

На червя клевал мелкий, не больше ладошки, сазан, тогда как разрекламированная форель, ради которой я, собственно, и подписался на эту авантюру, в это время года, как выяснилось, из-за жары уходит на глубину. С плота возле берега ловить форель оказалось бесполезно. Обещанная же рыбалка с лодки обернулась призывом – записаться на дополнительную лодочную прогулку. Вниз по горному озеру до следующей стоянки автобуса. И за дополнительные двадцать баксов.

Забегая вперёд, скажу, что после такой рыбалки, вдобавок сопровождаемой визгами, криками и нырянием бухих экскурсантов (купание оказалось следующим и обязательным номером этой программы), бесконечных челночных рейсов тархтящей моторки, подвозившей то упаковку пива, то наглых фотографов, дураков кататься на лодке не нашлось вовсе. Вот уж действительно, в Турции – нет проблем, зато сюрпризов за день образовалось в избытке!

Тем не менее общий душевный настрой ограниченного контингента русских туристов, захвативших турецкое побережье от Антальи и дальше, вплоть до Кемера, был столь позитивен, что отрицательные эмоции в памяти не задержались. Через день мы забыли о неудачной рыбалке и стали готовиться к традиционной российской забаве – шопингу.

Писать о Турции и не написать о шопинге, по-моему, невозможно. Продавцы в магазинах – только мужчины. Принимают доллары, евро, а кое-где даже рубли и гривны. Почти все, по крайней мере поблизости от отеля, бегло говорили по-русски. Когда я спросил одного из них, франтоватого парня лет двадцати пяти, где он так хорошо научился «чесать» по-нашему, он только развёл руками в ответ:

– Здесь!

Но это всё мелкие магазинчики, расположенные вдоль линии прибрежных отелей. Разве в них поторгуешься? Ну, прикупишь что-то по мелочи, вымутишь в результате долгих торгов доллар-другой. Неинтересно и как-то мелко... Другое дело – серьёзный шопинг. В нашем случае он обернулся поездкой в Кемер за популярной турецкой кожей.

Опускаю не столь интересные подробности нашей «вербовки» местными зазывалами, получасовую поездку на бесплатном автобусе и, пожалуй, начну с момента, когда мы с Леной часа в два пополудни ступили из раскалённой безжалостным солнцем улицы в прохладное чрево кожаного супермаркета.

Да уж, назвать магазином трёхэтажный торговый центр как-то не поворачивался язык... Охлаждаемые сплит-системами, основные торговые площади располагались в подвале, в зале чуть меньше футбольного поля. Витрины и высокие стены украшали чёрно-белые драпировки и всевозможные молдинги, рамки и прочие металлические финтифлюшки, в итоге сводившие убранство зала к популярному стилю high-tech. Ярко-белый неоновый свет равномерно окутывал всё пространство. В настенных больших зеркалах поблёскивали и отражались никелированные стойки и вешалки, а на них в ожидании покупателей томилась дублёнка, куртки, плащи и прочие кожаные изделия различных мастей и размеров. От подобного изобилия зарябило в глазах, но опомниться и оглядеться не дали.

Шустрый водила передал нас, как эстафетную палочку, менеджеру, тот, подхватив меня и Лену под локотки, закружил, потащил куда-то, и через минуту мы сидели на низком просторном диване, пили чай и знакомились с приставленным персонально к нам продавцом-консультантом. Как и менеджер, девушка оказалась такой же пронырливой и чернявой – не то Лариса, не то Людмила. Признаться, я так и не понял – у неё было турецкое имя, переименованное на русский манер, или девушка в самом деле приехала из России? На работу или по причине замужества, что в Турции явление не такое и редкое. Но об этом чуть позже...

Чернявая Лариса-Людмила сразу взяла с места в карьер и прицепилась, главным образом, к Лене, не хуже того репья. Я же быстро возненавидел эту горгону после частых и назойливых предложений взглянуть, пощупать, прикинуть, примерить, а если формулировать точно, впарить нам залежалый товар...

– Ша, медуза! – несколько раз хотелось заорать мне, но крик души, убитый в зародыше интеллигентским моим естеством, так и не вырвался наружу. Вместо этого я корректно, но предельно доходчиво объяснил дамам новую диспозицию. Отныне командный пункт передислоцируется на диван. Именно там, под кондёром, я буду сидеть и ждать, когда Лена и эта... персоналия греческой мифологии прошерстят и перелопатят хоть весь этот грёбаный магазин, все дублённо-курточные горы! Если же что-то глянется – будьте любезны! Цепляйте всю эту муть на передвижную стойку с колёсиками и – катите ко мне! А там разберёмся...

И жизнь наладилась! Женщины, переглянувшись, ретировались, я, удобно устроившись на диване, попивал кофеёк, услужливо поднесённый подскочившим халдеем. Кстати, наш кофе по-восточному у них зовётся не иначе, как «по-турецки». Что тут сказать – сам себя не похваляйся...

Я смаковал кофе, глаза по сторонам, и, поскольку жена с медузой довольно долго отсутствовали, волей-неволей наблюдал ряд жанровых сценок, развернувшихся перед глазами. Драматургия оных, надо сказать, не баловала разнообразием – во всех случаях русским парам от молодёжи до пенсионеров ушлые продавщицы методично и виртуозно втюхивали свой товар.

Когда вторая чашка была на исходе, вернулась Лена и, улучив момент, пока медуза катила из глубины зала стойку шмотья, быстро шепнула, что выбрала стильную куртку с молнией наискосок. А на меня есть просто чудо какая дублёнка – мягкая, лёгкая, тонкой выделки. И главное, моего размера. Так, в итоге, и оказалось. Когда ход дошел до этой самой дублёнки иона села на мне, как влитая, я сразу понял – да, вещь моя! Главное в этот момент было сдержаться, а еще лучше скривиться – что-то, мол, типа того, не так... Вот тут, вроде, жмёт, там болтается и – вообще... Ладно уж, так и быть – возьмём до кучи...

Да, совсем забыл упомянуть основную особенность турецкого шопинга – полное отсутствие ценников. В Турции они не нужны. Всегда и везде следует торговаться – это закон.

Я кивал, слушая Лену, а сам неожиданно вспомнил, как года четыре назад за Волгой покупал помидоры. Недалеко от совхоза «Рассвет» на пятачке возле спуска к пристани. В ожидании рейсового кораблика я ходил по базарчику, где среди бойких бабок и румяных совхозных молодух приметил хмурого мужика с пластырем на щеке, разложившего на деревянном ящике багрово-алые помидоры. И хотя помидоры оказались те самые: ароматные, сахаристые, с пойменных заливных лугов, и твёрдые, не похожие на современные помидоры из супермаркетов – их надо было кусать, как яблоко, и не опасаться, что брызнет сок – в тот момент они, честно говоря, мне не особо были нужны.

Я решил прикупить их так, больше из спортивного интереса. И наивно при этом думал, что мужику будет в радость поторговаться со мной, поговорить, пообщаться и, в результате, получив законно заработанную копейку, остаться довольным нашим общением. На деле всё получилось с точностью до наоборот. Мужик хмурился ещё больше, торговаться не хотел и упрямо долдонил:

– Кило – три рубля...

Расшевелить его стоило невероятных усилий. Минут двадцать я тщетно пытался уболтать этот камень в кепке и, почти потеряв надежду, в последний момент, когда пароходик уже подруливал к пристани, сторговал-таки помидоры по два пятьдесят. Однако мужик, наполняя подставленный мной пакет, сделке совсем не обрадовался и с ненавистью процедил:

– А ты это... видать, турецких кровей?

Почему вдруг мне вспомнился тот мужик? И действительно ли у нас кровь с турками разная? Не знаю, не знаю... Группа крови, может быть, отличается, но по цвету, а значит, и сути – разницы нет!

Как бы там ни было, Лена вторично примерила перед зеркалом выбранную одежду и окончательно определилась, добавив к мужской дублёнке женскую куртку. А потом вопросительно посмотрела на меня. Нет-нет, дорогая. Ты своё дело сделала. Теперь, что называется, налей и отойди.

За столик напротив меня садится медуза. Перед ней ручка и небольшой чистый листок. Медуза пишет на нём цену выбранных нами вещей, двигает листок ко мне. Я суммирую цифры, зачёркиваю один ноль и конечную цифру ополовиниваю. Медуза от негодования зеленеет.

– Это каракульча! – визжит она.

– И что?

– Двести долларов? За такую дублёнку?

– Не двести, а сто пятьдесят. Ещё пятьдесят – куртка.

– А-а-а... – стонет медуза, как будто её лишают невинности. Вскрикивает и убегает в подсобку. Через пару минут возвращается.

– Я говорила с менеджером, он готов уступить. В разумных пределах, – она снова пишет на листке цифру и передаёт мне.

Я двигаюсь по цене навстречу закуливному менеджеру, но общее понимание «разумного» у нас, понятное дело, не совпадает.

Медуза периодически стонет и убегает на совещания. Подобный театр повторяется много раз, в перерывах мы торгуемся, отчаянно и неуступчиво. Она просвещает меня по части каракульчи – меха нерождённых ягнят, утверждает, что добывать его во всём мире запрещено. За исключением Намибии, откуда эта самая каракульча поставляется. Я возмущаюсь подобным зверством и опасаясь – как такую дублёнку носить? Вдруг обольют краской какие-нибудь зелёные? Эх, была не была, за такую цену – рискну! Пишу ответную цифирь на бумаге. Медуза стонет, закатывая глаза, и в очередной раз исчезает в подсобке.

Спустя полчаса после начала торгов до совпадения «разумных пределов» остаётся долларов пятьдесят. И можно было предположить, что дальше дело пойдёт быстрее. В реальности всё обстояло совсем по-другому! За оставшиеся 50 баксов, так препятствовавших единению турецкого и российского разумов со всеми их пределами, отклонениями и прочими заморочками, мы торговались едва ли не вдвое дольше! Из полтинника в результате я уступил двадцатку, а медуза, изничтожая меня яростным взглядом, в последний раз убежала в подсобку. Вернулась с менеджером. Вальяжный и бородатый, он поздравил меня с покупкой и спросил, из какого я города.

Я ответил: «Из Волгограда», реакции не последовало. Тогда я произнёс «Сталинград». Вот тут он всплеснул руками и стал трещать без остановки. Забросал меня комплиментами, скрытый смысл которых, в переводе с коммерческого языка на обычный, означал: «Ну ты и крендель! Прошёлся по нашим ценам тяжёлым танком. Теперь понятно, откуда такие берутся!» – после чего отодвинул медузу и лично провёл нас на кассу оформить покупки.

А ты, землячок, как думал? Всё серьёзно, по-взрослому! За кого вы впрягались во время Второй мировой? Вроде держали нейтралитет, но были готовы за немцев? Так вот, за Волгой для нас земли нет! Или для вас? Короче, вы поняли...

Отрывочных впечатлений и жанровых сценок на турецкую тему за время нашего отдыха было достаточно. Не все из них одинаково интересны и достойны упоминания. Но впечатлением об одном «незабываемом» случае я не могу не поделиться.

Собственно говоря, случай тот состоял в посещении рынка, по-турецки – базара. А если совсем быть точным – туалета на этом рынке. Нет, с кафелем и чистотой всё было в полном порядке! Просторное помещение с рядом кабинок, рукомойники, зеркала, дозаторы жид-

кого мыла, сенсорные смесители. Правда, в кабинке отсутствовал унитаз, и это меня слегка озадачило – пришлось, словно где-то в российской глубинке, присесть второпях в позе орла. Но разве это проблема для русского человека? К подобной процедуре у нас привычны все, включая городских жителей, потому как даже у них стойко держится в памяти опыт посещения казённых сортиров, будь то пионерлагерь, воинская казарма или забытая богом автостоянка на федеральной трассе. (К слову сказать, на нефедеральных дорогах стоянок и туалетов нет вообще.)

Культурный шок, поразивший меня в тот день, заключался в другом. Сделав дело, гулять смело у меня получилось совсем не скоро по причине того, что в нужный момент я не нашёл в кабинке туалетной бумаги, а обнаружил имевшийся в наличии заменитель и, если так можно выразиться, не бумаги, а того процесса, для которого она, бумага, в отхожих местах, как правило, предназначена. Короче говоря, вместо держателя бумажных рулончиков из кафельной стенки торчал краник холодной воды, а под ним примостился пластиковый кувшинчик с длинной, подобно кофейнику, ручкой. Не буду утомлять читателя излишними натуралистическими деталями, скажу только, что для меня в тот день столь привычное посещение туалета обогатилось новым, турецким опытом. Что там говорила блондинка Мария насчёт сюрпризов? Всё сбывалось!

Другой сюрприз, одновременно и приятный и не совсем, настиг нас под выходные. Как мы узнали во время экскурсии от Вячеслава, мясо в Турции стоит приличных денег. Видимо, по этой причине кухня отеля не баловала нас мясными блюдами, за исключением разве курятины. Так продолжалось всё время, пока не выяснилось, что на конец недели выпадает религиозный праздник – Ураза-Байрам. И сразу, как по мановению волшебной палочки, в рационе возникло мясо! И не просто мясо, а отборная, великолепная баранина, отбитая и разделанная маленькими кусочками. Она готовилась на свежем воздухе, недалеко от дверей ресторана. Улыбчивый турок в белом халате и флибустьерском платке вместо привычного колпака виртуозно орудовал длинной лопаткой, блестящей в его руках, как пиратский кинжал, постоянно переворачивая на раскалённом гриле шипящие сочные кусочки. Народ глотал слюнки и мгновенно выстраивался за такой роскошью в очередь. И, как ни странно, мяса хватало всем...

Не совсем приятным моментом мусульманского праздника поначалу показался дружный десант турецких семей, заполонивших отель. Повсюду зазвучала турецкая речь, что после прежних дней отдыха непривычно резало слух. Понаехали тут!

В действительности всё обернулось совсем неплохо. Турки вели себя степенно и чинно, не доставляя никому особых проблем. Потом мы узнали, что на время праздника билеты на самолёт продаются с большим дисконтом, и прилететь в Анталию на море, например, из центральной части страны стоит не больше тридцати долларов. Отдых вполне доступный студентам, не говоря уже о семейных парах с детьми. С такой семьёй мы и познакомились утром возле бара за чашкой кофе.

Она русская, Соня. Улыбчивая, необъятных размеров, похожая на добрую тётушку из российской глубинки. С той лишь разницей, что, кроме русского, Соня бегло щебечет и по-турецки, и по-английски. Он турок, Ильяз. Среднего роста, подтянутый, мускулистый. Голова лысая и блестящая, как бильярдный шар. Приехали на выходные отметить праздник.

Разговорившись, узнали, что за плечами Ильяза в недавнем прошлом военная служба в Европе. Не знаю, в каких войсках, но, судя по рельефной мускулатуре, служил он точно не в писарях. Рядом с Ильязом коляска, на руках – вертлявый малыш. Сынишке около года, он активно познаёт мир, просится вниз и, зацепившись за папины руки, пробует ходить.

Соня, истосковавшись по общению на родном языке, болтает без остановки. Рассказывает о том, что женаты с Ильязом четыре года, что недавно купили дом и о том, как трудно в последнее время с работой в Турции. Человек не из местных, то есть она, русская, практически не имеет шансов найти что-нибудь стоящее, разве что может получить должность в тури-

стическом бизнесе, встречать-обихаживать земляков. Но это ненормированный рабочий день, что для неё, молодой мамы, категорически не подходит. Ильяз, пока мы разговаривали, гулял с ребёнком и только изредка, присаживаясь за столик, вникал в разговор.

Хороший папа, правильный муж – всё понимает, предоставляет жене возможность потрындеть на родном языке. Что и говорить, молодец, но в целом ничего удивительного. Так думал я до момента, пока Ильяз не стал менять ребёнку обоссанный памперс, а Соня даже не дёрнулась встать и помочь. Она лишь с безразличием посмотрела на мужа и отвернулась, продолжая беседу. Я обалдел, понимая, как рушатся стереотипы, навязанные моему сознанию телевидением, литературой и бог ещё знает чем, по части властных турецких мужчин и покорных турчанок. Лена также удивлённо вскинула брови. Более того, она, проведя весь следующий день на пляже в окружении турецких семей, пришла к ещё более категоричному выводу – в Турции детьми занимаются только мужчины! И что таких мужиков в России не найти днём с огнём! Турецкие папы являли собой образчик отцовской заботы: везде таскали детей за собой, купали отпрысков в море, терпеливо строили вместе с ними на берегу замки из камушков, в то время как их благоверные сидели поодаль под зонтиками, попивали прохладительные напитки и сплетничали! Можно, конечно, найти какие-то возражения. Предположить, например, что в этих четырёх-пяти семьях мужья освободили супружниц от привычных забот исключительно по оказии праздника и только на несколько дней, но... В душе я, конечно, понимал, что такие отговорки слабоваты.

Забегая вперёд, скажу, что и вечером картина не изменилась. Мы уехали после обеда в Кемер, за время до ужина Соня нашла себе несколько новых подружек. Позже, вечером, когда багровое солнце нырнуло за горы, мгновенно обрушив на всех темноту, мы с Леной сидели за столиком на освещённой террасе. От моря веяло свежестью, прохладный ветерок приятно обволакивал тело. Мы пили вино и в окружении других отдыхающих смотрели представление аниматоров. Строго говоря, на представление это не очень тянуло, скорее, больше напоминало туповатый капустник. Сначала совсем не смешно, но после второго бокала – пойдёт, можно смотреть.

Так как народу в отеле прибавилось, свободных мест за столиками почти не осталось. Неподалёку от нас, в компании новых подружек, сидела Соня. Что пили девушки – я не видел. Но сидели вполне хорошо, за двумя сдвинутыми столами, живо и весело реагируя на представление. Самые шустрые пару раз даже сбегали на сцену, когда требовались добровольцы для конкурсов. Я поискал глазами Ильяза. Он внезапно возник из темноты, одной рукой взял бокал, чокнулся, другой рукой продолжая качать коляску. В очередной раз терраса взорвалась хохотом, грохнули аплодисменты. Ребёнок, проснувшись, заплакал. Ильяз поспешно поставил бокал и укатил коляску в укромное место – успокаивать малыша.

Жена опять восхитилась тому, с каким трепетом и вниманием турецкие мужики относятся к детям. И, наоборот, не я, а она заочно отчитала разбалованных стерв – турецких мамаш, демонстративно перекинувших на мужей заботу о детях. Я пытался возражать, но больше из-за того, чтобы завязать дискуссию, предположив, что, возможно, это только на время праздника, в повседневной жизни турчанки вполне могут быть забитыми, тихими и угнетаемыми мужьями-тиранами. Тогда мы ещё не знали, что такое турецкие женщины и каков на деле их «ангельски-послушный» характер...

Первая из таких, назойливая как цыганка, преградила нам с Леной дорогу, когда мы направлялись на пляж. Своё турецкое имя мадам не сказала, заявив, что его мы всё равно не запомним – то есть подразумевалось, что её светлый облик мы просто обязаны записать на подкорке – и назвалась по-русски Катей. Так вот, эта самая Катя являла в одном лице полный отдел продаж отеля La Perla. Хамам, спа, массаж, экскурсии в горы, на море, по горной речке, шоптуры в Кемер, Анталию, Стамбул, сумки, дублёнки, куртки с большими скидками, настолько большими, что дешевле уже только даром.

В первую встречу от наглого сервиса удалось отбояриться, сославшись на то, что идём распаковывать вещи. В дальнейшем мы очень старались быть вежливыми. Отшучивались, говорили о том, что приехали в Турцию купаться и загорать, а не тратить время на шопинг. После спонтанной вылазки в кожаный супермаркет объясняли, что всё, поздно, самое необходимое закупили и больше покупок никаких не планируем. Вернувшись из поездки на горное озеро, объясняли, что подобных экскурсий с нас хватит. Все усилия были напрасны. Девушка Катя отказывалась что-либо понимать. Насупив брови, с упрямо-тупым взглядом она выслушивала жену и говорила:

– А массаж? Есть окошко на 11.00. Записываю?

Подобный беспредел продолжался изо дня в день, и каждый раз Катя вела себя всё наглее. Первой не стерпела Лена, когда наша подруга по-свойски плюхнулась к ней на лежак, заявив, что присела поговорить по душам.

Лена, сдержав себя ценой невероятных усилий, спросила:

– Вы полагаете, мне в России не с кем было беседовать? По душам? И я приехала в Турцию ради общения с вами?

– А что такого? – последовал наивный в своей тупости ответ. – Я же не работать вас заставляю, мы просто поговорим.

После этого долготерпимость жены смыла волна накатившего гнева, и Катенька нарвалась на ответ, достойный российской женщины, которая, как известно, и в горящую избу, и коня на скаку... Я тут, к слову сказать, припомнил годы студенческой юности, когда моя будущая супруга, облечённая полномочиями комсомольского лидера, могла при случае гаркнуть так, что в момент прекращала драку в университетской общаге. Одним только голосом разгоняла воинственных студюзов по углам. За что, признаюсь честно, и полюбил...

Потерпев фиаско, Катенька попыталась прилепиться ко мне, но, также получив отпор, пусть и в куда более мягкой форме, ретировалась. В последующие дни до нас только лишь доносились обрывки её жалоб о том, что более грубой и тяжёлой в общении пары она ещё не встречала.

Как звали вторую турчанку, с которой во время отдыха нас столкнула судьба, я не знаю. Назовём её просто – Ведьма. Она и правда на неё была очень похожа: маленькая, кривоногая, толстая, с тяжёлым взглядом змеиных глазок и торчащими, как ржавая проволока, из-под платка рыжими космами. Ведьма работала горничной.

Причём в обязанности её, как наивно мы заблуждались сначала, отнюдь не входила уборка номера. То есть в теории, наверное, предполагалось. Однако на практике номер убирался не каждый день, а если такое чудо происходило, то полотенца не менялись, мусор по-прежнему ютился в корзине, а зеркало в ванной оставалось грязным. Но, вне зависимости от результатов уборки, неоспоримой привилегией Ведьмы оставался наглый набег в номер за приготовленной для неё и прижатой пепельницей к столу однодолларовой купюрой. При этом у вылазок Ведьмы были две характерные особенности: она всегда приходила не вовремя и ничто, даже повернутая на три оборота щеколда замка, не могло её остановить.

Как-то раз после пляжа, отобедав и приняв душ (было около двух часов дня!), мы с женой возлежали на просторной кровати у себя в номере и почти уже намеревались заняться тем, чем обычно не прочь заняться супруги в отсутствие детей и проблем. Процесс, едва не вошедший в активную стадию, был безжалостно сбит, как та чайка в полёте, настойчиво-наглым стуком в дверь. Конечно же, это была Ведьма!

Если бы вы только знали, как не хотелось мне останавливаться!

– Не откроем, – предложил я.

– Бесполезно, – вздохнула жена. – Эта стерва не успокоится.

По коридору послышались удалявшиеся шаги. Я с облегчением перекрестился, но, как скоро выяснилось, напрасно.

Ведьма быстро вернулась и запасным ключом, очевидно, полученным у портье, распахнула дверь номера.

От неожиданности я стал кричать по-английски. По-моему, «Don't!» и «Out!». Почему по-английски – потом и сам толком не смог объяснить. Лена закатывалась от нервного смеха. А Ведьма в ответ орала из коридора по-русски:

– Не-е-ет!

И действительно, как же она могла снести столь беспардонную со стороны русских попытку оставить её без ежедневного доллара? Ни за что! Свой доллар она собиралась выцарапать у нас любой ценой!

Я, подобно римскому гражданину, закутался в простыню и вынес Ведьме не одно-, а двух-долларовую купюру. Но, прежде чем президент Джефферсон сгинул в складках её передника, я терпеливо объяснил Ведьме на двух языках (сначала по-русски, а потом, опять не пойму, отчего, по-английски), что номер нужно убирать в то время, когда мы на пляже, а мы там обычно после завтрака и до обеда. А вот после обеда, когда солнце жарит всю, мы отдыхаем, и тогда затевать уборку НЕ НАДО! Understand?

Ведьма сверкнула хищным глазом, купюра утонула в кармане.

– Чисто? Чисто? – понимающе закивала она, в момент нацепив на рожу пластмассовую улыбку.

– Да, твою мать!!! Чище не бывает!

Ведьма не спеша повернулась и, подрагивая толстыми ляжками, засемила по коридору. На следующий день она таки сподобилась прибраться как следует и – о чудо! – на ручке входной двери появилась картонка с фразами: «Не беспокоить!» и «Пожалуйста, уберите мой номер!». Как там говорила девушка Маша – в Турции есть сюрпризы? Истинно так!

Последний сюрприз, однако, был грустным. И совсем не турецким.

Ранний подъём. Автобус. Аэропорт. Улыбчивые и острые на язык стюардессы «Аэрофлота». Исчезающие поочередно в туманной дымке: фигурно стриженные кусты, взлётная полоса и серо-синие горы, окружающие аэропорт. Здесь, на мажорной ноте, и закончить бы эти путевые записки, но – увы!

Впереди нас ждали неожиданно накрывшая Волгоград непогода, хамоватые неразговорчивые таможенники, двухчасовое стояние в очереди на паспорт-контроль и наглый бомбила с извечным русским вопросом:

– Ну чё, командир, куда ехать?

«О, Волга, Волга, колыбель моя! Родина моя – Африка!» – писал известный поэт. Или, быть может, Малая Азия? Что, как выяснилось за эти семь дней, в целом – тоже неплохо...

Бельдиби – Волгоград, август – октябрь 2012 г.

Человек Пирату друг

Пират выскочил из переулка, перепрыгнул разбитую колею и, втянув носом морозный утренний воздух, остановился. Большая пузатая машина, прочертив в снегу ребристый след разворота, раскорячилась у забора Степаныча. Из чрева её струились враждебные запахи. Как всякий уважающий себя двортерьер, Пират понятия не имел, что такое – лекарства. Но помнил, что так – неприятно и резко – несло от многочисленных склянок за стеклом одной книжной полки в доме у старика. Странно, как можно относиться к столь дурно пахнущим штукам спокойно? Или, того хуже, уподобляясь Степанычу, вдруг вскрывать их и, морщась, глотать содержимое, запивая всю эту гадость остывшим чаем?

Пират огляделся, осторожно подкрался к машине и, задрал лапу, помочился на колесо. Неприятные запахи отступили.

Такие машины – с красными крестами по бокам и большим глазом на крыше – этой зимой всё чаще появлялись в посёлке. Издалека Пират не раз наблюдал за ними, привык и почти их не опасался. За исключением разве одного случая, когда большой синий глаз вдруг ожил и, засверкав, стал дико вращаться и верещать, а машина так стремительно пронеслась мимо, что над дорогой завис вихреобразный шлейф снежной пыли. Тогда Пират испугался по-настоящему и еле успел юркнуть за фонарный столб.

Пометив машину, пёс обогнул её с другой стороны, пролез под створкой ворот, слегка зацепив жилетом шляпку вылезшего гвоздя, рысцой побежал по дорожке. Небольшой бревенчатый дом стоял на добротном, из речного камня фундаменте, почти утонувшем в сугробе, а с крыши и козырька застеклённой мансарды над крыльцом свисали снежные шапки. От калитки к дощатым ступенькам тянулись следы. Один меньше, другой явно больше Степаныча. Интересно, что за гости сегодня у старика?

Неожиданно дверь со скрипом открылась, и на крыльцо шагнула стройная женщина. В белом халате, надетом поверх красно-чёрного клетчатого пальто. Следом, тоже в халате, вышел мужчина. Чернявый и плотный, с чемоданчиком в пухлой руке. Пират, моментально почуввав связь незнакомцев с машиной возле ворот, отпрыгнул и зарычал.

- Ого, – удивилась женщина.
- Кто там? – кашлянул из глубины дома Степаныч.
- Собачка в жилетке. Ваша?
- Это Пират, пустите.

Мужчина и женщина, сойдя с крыльца, отошли в сторону. Пират одним махом перепрыгнул четыре ступеньки и успел проскользнуть в закрывавшуюся, протяжно заскрипевшую дверь.

* * *

В обшитой вагонкой комнате топилась печка. Сквозь заштрихованные морозом окошки, рассеянно, как сквозь витраж, пробивалось красное солнце. На выцветшем деревянном столе, с едва уловимыми по углам следами лака и белой краски, под складками полотенца угадывались очертания посуды. Рядом, памятным обелиском советско-китайской дружбы, возвышался термос времён правления «великого кормчего» с распластавшими крылья райскими птицами. Слева от стола по стене лесенкой уходили к потолку книжные полки.

Диван на круглых высоких ножках громоздился в углу. От обилия света на его старой коже, когда-то чёрной, а теперь облезлой и почти белёсой, как наколки, темнели заплатки. Одна из боковушек в виде неуклюжих цилиндрических валиков была откинута. На диване с двумя подушками за спиной в свитере, ватных штанах и бушлате полулежал-полусидел Степаныч.

- Что, чертила, замёрз? – усмехнулся он.

Пёс завилал хвостом и залаял вдохновенно и звонко, словно здороваясь и одновременно жалуясь на кусачий мороз и нелёгкую собачью планиду. Потом, замолчав, клацнул зубами и засеменял к Степанычу.

Старик, улыбаясь, почёсывал его за ушами, недоумевая в который раз, за какие такие заслуги приглянулся он этому своенравному псу, будучи наделённым в числе немногих сомнительной привилегией кормить и поить это сатанинское отродье. По правде говоря, беспородный Пират в самом деле напоминал чёрта! Короткой и чёрной, как сажа, шерстью, жилистой конституцией, прытью, а всего более – зловредным характером. Чуть что, по мнению пса, было не так, особенно, если кто, по незнанию, пытался его погладить – зубы сразу шли в ход! Доставалось всем без разбору. И людям случайным, и старожилам, не раз, бывало, угощавшим строптивого кобеля и поэтому совершенно не ожидавшим от него подобных сюрпризов! Цапнув кого-нибудь, Пират (со страху, а может, потому что мучила совесть?) прятался куда подальше, пережидая, пока не уляжется волна народного гнева. За что острый на язык сосед Степаныча – прогоревший торгош и нынче опять инженер – Юрка называл его «собачий чечен». Не очень политкорректное прозвище било не в бровь, а в глаз.

Хотя кто, думал Степаныч, как не сами поселковые псину разбаловали? Вот уже лет пять как Пират, неизвестно откуда появившийся в «Речнике», слыл в посёлке общим любимцем. Жил вольно, сам по себе. Иногда забегал к Степанычу, соседу его Юрке, но чаще пропадал возле правления, у Мефодьевны. А та уж – рада стараться! Сухари в кофе размочит, сливочным маслом намажет: «Пират только так любит!» Из внучкиной кофты жилетку кобелю сшила. С карманами! Морозы этой зимой, конечно, выдались аховые, давно Москва такого не видела, но жилетка... Глупость какая-то несусветная, бабская придурь! А чертиле этому нравится.

Неожиданно Пират встрепенулся и зарычал. В дверь постучали.

– Открыто, – отозвался Степаныч.

Запустив в комнату облако морозного пара, вошли врач и фельдшер.

– Снова мы, Григорий Степаныч, – улыбнулась врач.

– Забыли чего?

– Да нет, с каретой у нас неувязка, – замялся фельдшер.

– Что за беда?

– Поймали какой-то штырь и колесо пробили. А стали менять, так, верите, баллонник – хрясь! – и напололам!

– От мороза?

– Какой там! Металл – дрянь, штамповка китайская. Водитель за подмогой в правление двинул, а мы к вам – погреться.

– Самое то! Сейчас мы чайку... – оторвался от подушек Степаныч.

– Куда после укола? – осадила старика врач. – Скажите, где, что, я сама.

Но стоило ей сделать шаг, послышалось глухое рычание. Оказалось, всё это время Пират наблюдал за происходящим.

– Надо же, – удивилась женщина.

– Охрана, – хмыкнул фельдшер.

– Так он не жрамши! – осенило Степаныча. – Момент!

Сунул руку в карман бушлата, выудил какой-то предмет и незаметно для собаки зашвырнул под диван.

– Пират, где мячик? Искать!

Уже потом, за столом, хрустя сухарями и подливая из термоса вместо чая ароматный настой шиповника, они всё не могли унять смех, вспоминая, как Пират, забыв обо всём, азартно лез под диван и шарил лапой в поисках мячика.

Пёс наворачивал честно заработанную порцию польской каши, а Степаныч в красках живописал эту их с собакой странную игру, некий сам по себе зародившийся ритуал, состоявшийся в том, что перед тем, как получить поесть, псу нужно было обязательно найти мячик. И если иной раз Степаныч мог об этом забыть, то Пират – никогда. Упрямылся, лаял, каждый раз требуя от старика показать, куда отправляться на поиски. Надо сказать, что и мячик был непростой. Забугорный, бейсбольный. Словно камень, твёрдую сферу плотно обтягивали языкообразные лоскуты толстой кожи, соединённые красными стёжками грубой нити. Нанесённые когда-то надписи и логотип иностранной команды давно стёрлись, слабо проступал лишь силуэт в треуголке. Но главное заключалось в том, что, в отличие от обычных мячей, этот не боялся собачьих клыков и поэтому Пирата устраивал. Степаныча тоже. Но по другой причине. Уж очень взвешенно мячик ложился в ладонь и летел при необходимости, как снаряд, выбивая пару-другую перьев у откровенно наглой вороны. Мячик, как и сам Пират, тоже взялся неизвестно откуда. Старик нашёл его на огороде, но как он там оказался, до сих пор оставалось загадкой. То есть, понятно, что залетел, но с какой оказией, как? Не мог же, в самом деле, кто-то у них в посёлке играть в бейсбол?

Прихлёбывая горячий настой, фельдшер Георгий ухал басистым хохотком, а в особо смешных местах шлёпал себя по утянутым в джинсы бёдрам. Ирина Сергеевна улыбалась и чаще молчала, накручивая на указательный палец рыжий крашеный локон, потемневший у самых корней. Ироничный, иногда грубоватый, Степаныч напоминал ей отца. Прямой взгляд прищуренных глаз, волевое лицо, задубевшие от работы и времени руки. Вот и отец всю жизнь балагурил, шутил идо последнего не желал мириться «с болячками». Даже в стационаре онкологии...

– Скажите, за что они вас? – прервав разговор, спросила она.

– Не в нас дело, дочка, – сдвинул брови старик. – Им земля наша нужна, а мы – так, мусор.

– ОМОН, судебные приставы, техники понагнали. Зачем столько?

– А чтоб не обделаться. Страшно, поди, с народом-то воевать...

– Как же можно рушить дома, если все бумаги в порядке?

– Оказывается, не все. Садовая книжка есть, в 57-м выдана, выкопировка из БТИ, план участка. Квитки за электричество, и те храню. Да что толку, если главной бумаги нет, на приватизацию, а раз так, то мы не собственники, а захватчики.

– Так и говорят? – поразился Георгий.

– Ну! А сами кто? На войне таких без суда – и к стенке!

– А вы воевали?

– Партизанил. Поезда под откос пускал.

– Обалдеть! – изумился Георгий. – Расскажите!

– Да не люблю я этого...

– Ну пожалуйста, – тихо попросила Ирина Сергеевна.

И что-то в её голосе было такое, что Степаныч раздумал упрямыться, повертел в ладонях горячую кружку, откашлялся и заговорил.

* * *

Согревшийся и сытый Пират, положив морду на передние лапы, лежал возле печки. Со стороны могло показаться, что пёс дремал, но на самом деле он постоянно косил глазом на старика и тех двоих за столом. Вроде бы опасности никакой, но всё же решительно не нравились ему странные гости. Смеяться перестали, молчат, один Степаныч что-то бубнит. Хороший он человек, но какой-то неправильный. Не с теми людьми дружбу водит.

Пират любил приходить к старику. Искать и находить мячик, есть кашу из его, Пирата, законной миски, что всегда стояла в углу, лежать вот так, как сейчас, у натопленной печки. В такие минуты старик обычно брал книгу и устраивался на диване или мастерил что-нибудь

за столом. Дремота незаметно подступала всё ближе и понемногу, как сладкий дым, целиком накрывала пса от укрытого лапами носа до кончика хвоста. И зимой можно жить, думал, засыпая, Пират, но лето – всё-таки лучше: солнце, берег канала, панорама большого города, катера, разрезающие блестящую гладь воды, упрямая стрекоза на поплавке у Степаныча. А ещё – его голосистый внук, Борька, загорелый и весь пропахший запахами далёкого моря, играет и кувыркается с Пиратом в ярко-зелёной траве...

* * *

Водитель объявился минут через сорок. Запаска была поставлена, неотложка ждала у ворот. Впечатлённый рассказом Георгий на прощание долго жал Степанычу руку. Ирина Сергеевна написала номер мобильного, и он пообещал, если что – сразу звонить ей.

Надев шапку, Степаныч пошёл провожать. Скорая посигналила на прощанье, газанула и скрылась за поворотом. Старик проводил её взглядом и уже собирался вернуться в дом, как над калиткой нарисовалась физия в «жириновке» с жёсткой щёткой заиндевеливших усов.

– Дядя Гриша, здорово! Я зайду?

– Попробуй, – усмехнулся Степаныч.

Соседа Юрку он знал с малолетства. Когда-то дружили семьями с его родителями. С того самого дня как здесь, в «Речнике», от Управления канала им. Москвы получили участки под сады-огороды. Строились вместе, саженцами обменивались, на шашлыки выбирались. Юрка и дочь старика, Ольга, в поселке выросли: играли в салочки, в садовой тачке с визгами друг друга катали, бегали на канал купаться. Худющий тогда был Юрка и беспокойный, будто шило сидело у него в заднице, а теперь мордаха – дай бог! И брюшко наметилось, и походка неспешная, основательная...

Косолапо прохрустев по заснеженной тропинке, Юрка подошёл к старику, поздоровался.

– Что доктора?

– Сказали – жить вредно.

– Ладно, я серьёзно.

– Если серьёзно – какую-то хрень вкололи, полегчало. Ты лучше скажи, новости есть?

– Есть. Слух прошёл, будто гоблин этот, Микитин, подъехать должен. Обещал ситуацию разрулить. В штабе решили народ собрать. Пойдёшь?

– А то!

– Тогда на Солнечной через полчаса.

– Успею. Стопку будешь?

– Не могу, мне дальше бежать, – замотал головой Юрка. Поёжился, сунул руки в карманы меховой куртки, захрустел по снегу обратно, но, дойдя до калитки, остановился:

– Дядя Гриша, всё забываю спросить, как там, в Севастополе, Ольга?

– Нормально.

– Не развелась со своим мореманом?

– Чего?

– Всё-всё, ничего! Только мячик свой не бросай, я просто интересуюсь!

– Ты, Юрка, вроде куда-то шёл? Вот и шуруй. А насчёт Ольги и думать забудь! Для тебя она – перевёрнутая страница.

– Дядя Гриша, как знать? Жизнь долгая, земля круглая... Я, может, оттого два раза и разводился, что до сих пор по ней сохну.

В ответ Степаныч забористым матерком сформулировал истинную, по его мнению, мужскую сущность соседа. Юрка спорить не стал – засмеялся и, хлопнув калиткой, заспешил вниз по улице.

* * *

Пират не хотел просыпаться и уж тем более не хотел никуда идти. Но старик отворил дверь, напуская холод, и не закрывал её до тех пор, пока Пират не проснулся. Пёс поднялся, зевнул и, с обидой и неохотой потягиваясь, заковылял к выходу. На улице последние остатки сна улетучились, как их и не было.

Старика, со скрежетом провернувшего ключ в замке, он дожидаться не стал, побежал по тропинке, нырнул под ворота и затрусил знакомым маршрутом к Мефодьевне.

* * *

– Да что вы творите?

– Вы дом этот строили? Деревья растили?

– Беспредел!

– Спокойно, граждане! Всё по закону.

– Решения суда нет!

– Значит, будет, – дыхнул перегаром краснорожий омовец с бородавкой на мясистой щеке. Поправил на поясе резиновую дубинку и подмигнул товарищам. Те одобрительно ухмыльнулись.

Омовцы в чёрно-синей пятнистой форме, бронежилетах и касках живым щитом прикрывали от возмущённых жителей японскую технику и приговорённый к сносу отечественный коттедж. Ядовито-лимонный экскаватор «Коматсу», как хищный монстр с огромной когтистой лапой, глухо урчал на холостых оборотах. Поодаль, морда к морде, бойцовскими псами застыли два жёлтых, тоже японских, бульдозера. В сторонке лениво курили рабочие. По периметру треугольника бульдозеры – экскаватор – коттедж, подзывая один другого и совещаясь, ходили судебные приставы.

– Фашисты, – сплюнул Степаныч.

– Охренел? – зашипел краснорожий. Глаза омовца налились кровью, щека задёргалась нервным тиком. – Ты, дед, базар фильтруй! У меня четыре командировки в Чечню и медаль «За отвагу».

– Геро-о-ой... А теперь, стало быть, в полицаи подался?

– Да я тебя... – взметнулась дубинка, но двое товарищей вовремя повисли на краснорожем, не позволив пустить в ход «демократизатор».

– Дед, иди от греха подальше, – процедил с угрозой один.

– Я-то пойду, – ответил старик, по-прежнему глядя в глаза омовцу с бородавкой. – А ты, герой, чего за фитюльку схватился? Шмальнул бы из калаша – и вся недолга! Или обделался?

Краснорожий, изрыгая ругательства, безуспешно рвался к Степанычу.

– Вали отсюда, старик, – держа краснорожего, заорал второй.

Поначалу притихшие речниковцы глухо загудели в ответ. Раздвигая тех, кто стоял впереди, со стиснутыми кулаками пошёл на краснорожего Юрка, но Степаныч в последний момент ухватил его за рукав, развернул к себе.

– Не фашисты и не полицаи... Они – хуже, – ещё раз сплюнул на утопанный снег и, не отпуская Юрку, потянул его через толпу назад.

Они едва успели выбраться на открытое место, как прорезался крик:

– Едут!

Люди рванулись вперёд, стена омовцев смешалась и, бросив технику, отступила, чтобы взять в кольцо подъехавший внедорожник. Из машины с недовольной grimасой на холёном лице вылез префект Южного округа Микитин. В шапке-ушанке «от кутюр», модной дублёнке и сверкающих чёрным лаком полуботинках. Люди, напирая на милицейский кордон, обступили префекта. Зашумели, перебивая друг друга. Юрка глянул вопросительно на Степаныча,

но старик, отказываясь, покачал головой, и тот побежал в толпу один. Потянулись к машине префекта и судебные приставы.

На какое-то время Степаныч остался наедине с громадным, как танк, экскаватором. Подошёл ближе, тронул воронёную сталь ковша, и ему вдруг привиделось, как это чудище сносит гусеницами его забор, мнёт крышу, рушит стены, фундамент, а напоследок ломает в щепы заснеженную пушистую ель. Ту самую ель, что он, обалдевший от счастья, посадил, узнав о рождении дочери. Экскаватор, тем временем, вдавил в снег обломанные хвойные ветки и развернулся для повторной атаки. А из кабины выглянул, ухмыляясь, краснорожий омоновец...

Степаныч обшарил карманы бушлата, но нащупал не валидол, а бейсбольный мячик. И стиснул зубы. Ведь было дело: когда-то левый карман ему оттягивала лимонка, а правый – трофейный вальтер. И ещё пацаном он всегда мог постоять за себя. Партизаны ценили отчаянного паренька и то ли в шутку, то ли всерьёз обращались по отчеству...

Не любил вспоминать Степаныч свою войну. Всамделишную, а не те байки, что утром травил врачам. Хотя, конечно, железку минировал, было. Поначалу на подхвате у старших, позже и сам освоился. Паровозный гудок и... грохот, огонь и чёрным фонтаном бьёт в небо земля, а с искорёженных рельсов летят под откос вагоны! Но взрывное дело – нехитрое ремесло, если поблизости нет охраны. На его войне фашисты стерегли железку и днём и ночью, так просто близко не подобраться. А он, одиннадцатилетний пацан, из отряда один выходил навстречу немецкому патрулю – «В Покровское к тётке шёл, да сбился с дороги...» – и, подойдя вплотную, не доставая пистолет из кармана, хладнокровно расстреливал доверчивых фрицев.

Встреча с префектом, как и следовало ожидать, закончилась ничем. Юрка, провожая старика до ворот, вслух продолжал возмущаться, доказывая, что человеку в здравом уме и трезвой памяти и в голову не придёт сказать людям, что они сами преступники только лишь потому, что спокойно жили и строились на своей земле. А что до собственности, то у кого она при коммунистах была? И почему, раз так вышло, не могут (или не хотят?!) узаконивать их участки в рамках дачной амнистии, насчёт которой власти одно время прожужжали все уши? Степаныч шёл и молчал. Как будто что-то оборвалось у него внутри...

Дома старик всё делал спокойно, но глаза его смотрели отрешённо и пусто, со стороны даже могло показаться, что он не вполне осознаёт последовательность своих действий, а просто механически выполняет заложенную кем-то программу. Он скинул бушлат, чиркнув спичкой, зажёл «летучую мышь», подкрутил фитиль, так, чтобы он не дрожал и горел равномерно, и осторожно по ступеням скрипучей лестницы начал спускаться в погреб. Мерцающий свет заскользил по отстающей от стен штукатурке, разошедшимся балкам, натянутым по углам паутиной, задержался на покосившейся деревянной двери. При жизни жены в погребе у них была кладовая для закуток и яблок, припасаемых на зиму. Теперь в кладовке давно уже ничего не хранилось. Старик дёрнул дверь, она, хотя и с трудом, поддалась. Внутри покрытые пылью полки, на них с полдюжины старых стеклянных банок для консервации, несколько ржавых жестяных крышек и изгрызенных мышами резиновых колец для закутки.

Старик пристроил лампу в углу, опустился на колени, поддел гвоздодёром доски нижнего яруса. В паутине над верхней полкой заколыхались иссохшие мухи. Доски поддались легко, обнажив тронутый ржавчиной армейский металлический ящик...

* * *

Пират заскочил на крыльцо и залаял у самой двери. Старик отворил быстро, как будто его дожидался. А потом повёл себя странно. Развернул на столе некий свёрток, достал из него

неизвестного назначения стерженёк, скотч, какие-то проводки и четыре брикета желтоватого мыла, которое почему-то мылом не пахло. Усадил Пирата к себе на колени и принялся рассовывать эти брикеты в карманы собачьей жилетки. Пёс недовольно оскалится и зарычал, но старик разговаривал с ним спокойно, приговаривая, чтобы Пират потерпел, что так нужно и совсем уже скоро они пойдут искать мячик.

Приладив непонятно что псу на спине и обмотав конструкцию скотчем, Степаныч осторожно поставил собаку на лапы и распахнул дверь:

– Где мячик, Пират? Искать!

Пёс недоверчиво посмотрел на Степаныча. Нет, не к добру приезжали утром эти двое на пузатой машине. Определённо со стариком что-то творится... Какой может быть мячик на улице? Что, всё-таки надо идти во двор? Ну, если это новая такая игра... Где он там спрятал мячик? Что, дальше, через калитку? Значит, мячик не во дворе, за ним надо ещё куда-то бежать? Нет, определённо со стариком что-то не то. Не с теми людьми дружбу водит. Пират отряхнулся и вразвалочку, нехотя побежал за Степанычем.

Не прошло и четверти часа, как тишину сиреневых сумерек расколол оглушительный взрыв, и чернильное небо окрасилось рыжим пламенем.

* * *

Рано утром взбудораженный Юрка распахнул калитку соседа.

Старик сидел на верхней ступеньке крыльца, словно собрался куда-то идти, а пока присел на дорожку. Юрка подошёл быстрым шагом и удивился – Степаныч, по всему видно, уже с утра приложился к бутылке, что не очень на него было похоже. Да и вообще сидел какой-то осунувшийся, небритый...

– Дядя Гриша, слышал, вчера громыхнуло?

– Нет.

– Да ладно! На посёлке кругом стёкла дрожали.

– В подвале, видать, возился. И что?

– У полицаев экскаватор взорвался! На бульдозеры рухнул, а там вся техника полыхнула!

Не ясно только, с чего? Говорят, теракт...

– Люди целы?

– Вроде. Да разве они – люди?

– Люди, Юрка, не звери... Пойдём, пропустим по стопке.

– А как сердце?

– Нормально. Уже ничего не чувствую. Как будто у меня его нет...

Волгоград, апрель 2010 г.

В ритме фламенко

В сентябре спокойная жизнь Ивана взорвалась, как бомба в руках террориста. И всё Матвейч, красавчик! Таких тренеров – один на миллион! Кто, как не он, сумел бы подобное замутировать? В свой отпуск отчалил по путёвке спорткомитета в Испанию, а там не пузо на пляже грел, а вопросы решал! А потом расколол ночь телефонным звонком:

– «Теннисная академия TennisVal имеет честь пригласить Ивана Вихлянцева на годичную стажировку!» Это Валенсия, пацан! Ну, та академия, где самому Сафину удар ставили!

Подскочивший с кровати Иван так и застыл с телефоном в руке. Дыхание перехватило, от тугой и жаркой волны нахлынувшей крови сердце ёкнуло, словно электронасос, поперхнувшийся от скачка напряжения, и жёлтым теннисным мячиком заскакал в голове вопрос: сколько же это вылезет по деньгам? А Матвейч, восторженный и бухой, снова хрипел из мобильного:

– Слушай дальше, пацан, что в официальной бумаге написано! «Питание, проживание и медицинская страховка обеспечиваются принимающей стороной. В рамках программы российско-испанского студенческого обмена»!

В ответ Иван заорал во всё горло, всполошив радостным воплем и мать, и соседей по коммуналке, и всю Большую Садовую! По части обмена, стопудово, дядя Витя подсуетился! А где дядюшка – там всё чётко, по-взрослому! Дай бог здоровья столичному родственнику!

Связи у дяди Вити в Москве были, что называется, более чем и выше всяких. Из Ростова он уехал давно, сразу после школы, потом, окончив военное училище, воевал в разных горячих точках. Во всех смыслах горячих – от Никарагуа до Афгана. На какое-то время вернулся было в Ростов, но довольно скоро перевёлся в столицу, где под занавес военной карьеры неожиданно получил весомую должность в одной силовой структуре. В Москве дядя Витя пустил корни, женился, а в последние годы после отставки «ушёл в нефтянку». И всё бы ничего, да жаль только, что с сестрою своей и матерью Ивана – Натальей до сих пор общался «через губу». Что-то там, совсем давно, дядюшка с папашкой Ивана не поделили... После этого папашка, хлопыстнув дверью, свалил за длинным рублём на северá, где вскоре напрочь позабыл о семье. А мать с дядей Витей ещё долго были «в контрах». Хотя бы разговаривают сейчас – и то слава богу!

А вот племяннику дядя Витя благоволил всегда. То ракетку Wilson бандеролью пришлёт, то коробку с оказией передаст, а там четыре комплекта «адидасов» с подошвами для разных покрытий: одни для грунта, для харда – другие, ну и так далее... Просто-напросто в теме был дядюшка, понимал, что к чему. Да и, честно говоря, в те времена, когда Иван, по выражению дяди, был ещё *el novato*, а не подающим надежды молодым теннисистом, такие траты они с матерью просто не могли бы себе позволить...

Мать, красивая и статная в молодости, из года в год томилась постоянным безденежьем и по утрам перед зеркалом тратила всё больше времени в безуспешных попытках спрятать морщины. Она читала в университете курс зарубежной литературы и, чтобы заработать какие-то, пусть и невеликие деньги, по максимуму набирала часы, из-за чего постоянно задерживалась на работе. Иван, поджидая её вечерами, наугад тянул с полки книгу, а потом, забыв об уроках, глотал от корки до корки всё, что попадалось под руку – от Тома Клэнси и Юлиана Семёнова до Брэдбери и Стругацких. В школе, однако, начитанность Ивану особых дивидендов не приносила. На уроках он доставал учителей каверзными вопросами, а после занятий часто и с ожесточением дрался. Классу к седьмому мать перестала с ним управляться и одно время всерьёз начала было наводить справки о суворовском училище. Так, вполне вероятно, отправился бы скоро Иван по тропинке, протоптанной дядюшкой, если бы не большой тен-

нис, неожиданно возникший на горизонте в лице Матвеича, в секцию которого Иван пришёл «записаться» за компанию с одноклассником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.